

Цзи Шаотин почувствовал, что атмосфера стала неловкой, и хотел сказать Ли Чэню, что не стоит воспринимать это всерьёз, это была всего лишь шутка, как вдруг неожиданно встретился с глубоким взглядом Ли Чэня, который резко повернулся к нему.

— Я не могу различить эти цвета, — его пальцы коснулись родинки на брови Цзи Шаотина, его голос был серьёзным и настойчивым, — но этот цвет я узнаю.

Цзи Шаотин замер.

Внимательный взгляд Ли Чэня согрел его, заставляя сердце, замёрзшее во льду, снова биться.

Цзи Шаотин не мог не упрекнуть себя за то, что стал так легко поддаваться эмоциям. Всего одно случайное слово Ли Чэня могло заставить его сердце трепетать. Он быстро погасил маленькое пламя в груди и вежливо, но отстранённо сказал:

— Спасибо, мне очень приятно.

— Я действительно узнаю, — Ли Чэнь повторил, и его взгляд стал ещё более уверенным, — всегда узнаю.

Раньше Ли Чэнь не верил в такие абстрактные понятия, как судьба и рок, но после встречи с Цзи Шаотином он начал верить в предначертанность.

Почему раньше он никогда не хотел оставить кого-то рядом, почему именно этот человек заставил его держаться изо всех сил?

Родинка на брови Цзи Шаотина была настолько заметной, что Ли Чэнь заметил её с первого взгляда. Это была своего рода метка, которая позволяла ему сразу узнать, что это его судьба.

Но такие горячие чувства только смущали Цзи Шаотина.

Он небрежно ответил и перевёл разговор на другую тему, указав на манекен без головы в витрине:

— А-Чэнь, посмотри туда, это жутковато.

Даже такой нечувствительный человек, как Ли Чэнь, заметил, что Цзи Шаотин уклоняется. Кто-то другой, возможно, оставил бы всё как есть, ведь в мире всё можно ускорить, кроме чувств, особенно с таким медлительным человеком, как Цзи Шаотин, которому нужно время, чтобы перевести дух.

Но Ли Чэнь явно не был так деликатен. Чем больше Цзи Шаотин отступал, тем больше он наступал:

— Ты слышал меня? — он настойчиво спросил. — Ты мне не веришь?

Цзи Шаотин не хотел ссориться с Ли Чэнем на публике, даже из-за такой мелочи.

Поэтому он, вопреки своим чувствам, успокоил его:

— Я верю тебе, конечно, верю. Ты ведь мой муж, правда?

В глазах Ли Чэня появилась улыбка, он провёл пальцем по обручальному кольцу на

безымянном пальце Цзи Шаотина и повторил:

— Да, я твой муж.

— Давай посмотрим другие магазины, — Цзи Шаотин хотел поскорее увести Ли Чэня, — если мы задержимся здесь, люди подумают, что мы покупаем помаду.

Ли Чэнь взглянул на естественный цвет губ Цзи Шаотина и подумал, что помада действительно не нужна, достаточно несколько раз крепко поцеловать его, и они покраснеют.

Он взял левую руку Цзи Шаотина и сказал:

— Тогда пойдём покупать одежду.

Цзи Шаотин начал подозревать, что у Ли Чэня есть страсть к шопингу, особенно когда дело касалось одежды.

Из-за своего опыта с детским трудом в Бангладеш Цзи Шаотин очень негативно относился к быстрой моде, но энтузиазм Ли Чэня был настолько велик, что, даже когда Цзи Шаотин говорил «хватит», он не останавливался.

Цзи Шаотин не мог на него сердиться, поэтому просто позволял ему покупать всё, что ему нравилось.

Они никогда по-настоящему не обсуждали это, и Цзи Шаотин не понимал причины его одержимости: для Ли Чэня одежда была самым близким к человеку предметом, подарить одежду — это было как обнять кого-то.

Хотя Ли Чэнь очень хотел проводить с Цзи Шаотином всё время, ему всё же приходилось работать. Когда его не было рядом, одежда, которую он купил для Цзи Шаотина, должна была заменить его объятия.

Он так романтично думал, что упустил из виду практическую сторону: Цзи Шаотин не выходил из дома, и ему не нужно было так много одежды для смены.

Когда они вышли из торгового центра, пошёл дождь.

Никто из них не взял зонт, а парковка, где стояла машина Ли Чэня, была ещё далеко. Дождь начался внезапно, когда они были на полпути, и им пришлось срочно искать укрытие под навесом.

Зимой солнце садилось рано, и в четыре или пять часов вечера уже было темно. Фонари зажглись раньше времени, и оранжевые лучи света пронизывали пушистый мелкий дождь.

Зимний дождь был редким явлением, и от него становилось ещё холоднее. Порыв ветра пробирал до костей.

Цзи Шаотин боялся холода, и Ли Чэнь это знал, поэтому он сразу расстегнул пуговицы своего пальто и прижал Цзи Шаотина к себе.

Ли Чэнь был выше Цзи Шаотина и, благодаря постоянным тренировкам, имел крепкое телосложение. Цзи Шаотин, прижавшись к его груди, почувствовал, что даже сердце Ли Чэня бьётся сильнее.

Цзи Шаотин подумал, что за этот год он действительно ничего не делал, даже его физическое состояние ухудшилось.

Тёплый голос Ли Чэня раздался сверху:

— Теперь теплее?

Цзи Шаотин кивнул и сказал:

— Спасибо.

Затем наступила тишина. Благодаря шуму дождя, эта тишина была комфортной, и Цзи Шаотин не чувствовал необходимости нарушать её разговором.

Они стояли в углу торговой улицы. На узкой улице прохожие раскрывали зонты, а те, у кого их не было, спешили найти укрытие. Свинцовое небо нависало низко, а мокрая от дождя асфальтовая дорога блестела под светом фонарей.

Навес отбрасывал тень, скрывая их. Цзи Шаотин украдкой взглянул на Ли Чэня и увидел, что тот закрыл глаза, его густые ресницы сомкнулись, а на губах играла лёгкая улыбка.

Сердце Цзи Шаотина вдруг затрепетало, и он почувствовал странную смесь страха и ожидания. Он не мог объяснить, что это было. Вот что значит «смешанные чувства».

Они стояли под одним пальто, согревая друг друга, и даже слова, описывающие это, звучали невероятно нежно.

Ли Чэнь редко был нежен с ним, и как только он смягчался, защита, которую Цзи Шаотин так тщательно выстраивал, начинала трещать.

Как после возвращения из Лондона, как бы он ни был обижен, достаточно было увидеть свадебное фото на столе Ли Чэня, и его сердце таяло.

Ли Чэнь был прав: он действительно был человеком, который легко сопереживал и легко трогался, особенно в этом переходе между днём и ночью. В темноте всё скрыто, и слишком легко возникают странные чувства, поэтому свет в барах всегда такой приглушённый и загадочный, чтобы сблизить мужчин и женщин.

Цзи Шаотин снова и снова напоминал себе оставаться спокойным, не позволять всему пойти насамарку. Если он не будет ожидать ничего от Ли Чэня, его больше не ранят.

Но именно в этот момент Ли Чэнь нежно позвал:

— Тинтин.

Цзи Шаотин был приятным человеком, и все, кто его знал, быстро начинали называть его Тинтин. За свою жизнь он слышал это имя множество раз, но только от Ли Чэня оно звучало по-особенному, с его уникальной настойчивостью, граничащей с одержимостью.

Цзи Шаотин, конечно, боялся, но одновременно не мог сопротивляться. Он ответил:

— Я здесь.

Он почувствовал, как Ли Чэнь крепче обнял его за талию.

Опять, подумал Цзи Шаотин, это грубое выражение любви.

— Ты ведь знаешь мои чувства, — Ли Чэнь прошептал ему на ухо, с мольбой в голосе, — правда?

Это было почти признание.

Конечно, атмосфера была подходящей, и Ли Чэнь не упустил бы такой момент. Цзи Шаотин хотел сменить тему, но он уже получил урок и знал, что это только сделает Ли Чэня ещё более настойчивым. В конце концов, Ли Чэнь никогда не учитывал его чувств и не давал ему времени разобраться в своих запутанных эмоциях.

Цзи Шаотин невольно вздохнул, а Ли Чэнь, нервничая, не мог вынести даже этого:

— Почему ты вздыхаешь?

— Просто думаю, — Цзи Шаотин чувствовал, что ситуация становится всё сложнее.

— О чём? — Ли Чэнь продолжал настаивать. — Ты ведь понимаешь мои чувства? Не каждый может быть госпожой Ли, только ты, Тинтин, только ты.

Так что Ли Чэнь считал, что быть госпожой Ли — это величайшая честь? Но Цзи Шаотин этого вообще не хотел.

Дождь не собирался прекращаться, и Цзи Шаотину некуда было бежать. Ли Чэнь приказал ему посмотреть на него, и он поднял глаза, встретив его взгляд. Даже глаза Ли Чэня требовали ответа, а на его лице читалась напряжённость.

Цзи Шаотин мог со стопроцентной уверенностью сказать, что если бы он честно высказал свои мысли, Ли Чэнь бы действительно сошёл с ума.

— Почему ты молчишь?

Потому что я не хочу отвечать на твою самодовольную любовь.

— Тинтин, ты ведь понимаешь, правда?

Это было как загнать его в угол.

<http://bllate.org/book/16306/1470788>